

Елена Марушиакова, Веселин Попов (*София, Болгария*)

ИДЕНТИЧНОСТИ ЦЫГАН/ РОМА В НОВОМ ЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ (СИТУАЦИЯ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ)

Кто такие цыгане?

В Восточной Европе вопрос “Кто такие цыгане?” (или политически корректная формулировка – “Кто такие Рома?”), заданный в одном нашумевшем исследовании бедности во время постсоциализма (Emigh/Szelenyi 2000; Szelenyi 2001), абсолютно лишен смысла. В общественном сознании в регионе целой Восточной Европы, всегда существовало и существует ясное понимание цыган как отдельной ясно обособленной этнической общности, с общим происхождением, т.е. здесь каждый знает “кто такие цыгане”. Если и существуют некоторые сомнения в этом направлении, они могут возникнуть единственно при идентификации конкретных известных личностей, покинувших цыганскую социальную среду, где они родились и выросли, а не по отношению общности в целом.

В Восточной Европе о цыганах, как и вообще любой общности такого порядка, думают всегда и только примордиалистически, и обязательно в этническом дискурсе. Т.е. здесь, в этом регионе, цыганом (как и представителем любой другой этнической общности), человек рождается, а не становится, и навсегда остается таким, каким родился (и каким были его предки). В Восточной Европе немыслимо появление целой книги, с основной темой “Кто такие цыгане?”, и в которой еще в самом начале было бы категорически заявлено, что “на этот вопрос не может быть найден ответ” [Maui 2004], эта проблема, как и другие подобные вопросы в духе конструктивизма – просто неадекватны, полностью непонятны и потому бессмысленны.

Цыгане Восточной Европы (как и любой из проживающих здесь народов) думают о себе и воспринимаются другими прежде всего в этническом дискурсе. Причины этого обстоятельства, по нашему мнению в том, что

идеи конструктивизма и гражданской нации в Восточной Европе в подавляющем большинстве случаев в своей завершённой форме сводятся единственно к концепции нации-государства, которая практически осмысливается прежде всего как этно-нация (единственным исключением в этом плане является Российская Федерация). Поэтому каждая новосозданная нация-государство (с XIX в. до наших дней), обращает свой взгляд прежде всего к своему прошлому, и начинает активно конструировать это прошлое в форме своей национальной исторической мифологии. Тут история не является только лишь и единственно наукой, а частью национальной мифологии, которую каждый народ постоянно воскрешает и проецирует в различных формах. В различных случаях, когда создается новая этнонациональная общность конструктивистского типа, в конечном счёте она всегда приобретает примордиалистическую форму.

В этом общем общественно-политическом контексте цыгане могут быть осмыслены, как все остальные народы этого региона, как “воображаемая общность” [Anderson 1991], но в отличие от других народов, она “воображаемая” не своими членами, а остальным, совместно-проживающим с ними населением. Таким образом оказывается (хотя это может звучать несколько парадоксально), что границы этой общности в сущности определяются не её членами, а окружающим их населением, и независимо от того, что думают о себе сами цыгане и какую идентичность они на самом деле имеют (или какую идентичность они хотят продемонстрировать публично), они будут восприняты и, соответственно, в различных житейских ситуациях к ним будут относиться всегда как к “цыганам”.

Многомерная структура идентичности цыган

Чтобы разобраться в сложной, проявляющейся на различных уровнях и в различных контекстах многомерной структуре идентичности цыган Восточной Европы (и везде по всему миру), прежде всего, следует иметь в виду, что цыгане не герметично закрытая и самодостаточная социально-культурная система. Цыгане всегда и везде в мире существуют по меньшей мере в “двух измерениях”, живут в двух координатных системах – как отдельная общность и как общество (вернее как этнически обособленная его интегральная часть в соответственной нации-государства).

В данном случае мы исходим из базисной установки, основанной на разграничении “общность – общество” (*Gemeinschaft – Gesellschaft*), которая была предложена еще в конце XIX вв. немецким социологом Фердинандом Тённисом (Tönnies 1887; Toennies 1963). Разделение “общность –

общество” у цыган всегда следует анализировать в единстве, вернее в целостности, рассматриваемой в двух различных ракурсах. Это уточнение особенно важно, потому что очень часто в научных исследованиях отдаётся предпочтение одной из двух форм существования цыган, а другой соответственно уделяется гораздо меньшее внимание. Так, например в “классических” исследованиях, посвященных цыганам, (начиная с трудов школы Gypsy Lore Society и в большинстве современных антропологических исследований), основным объектом являются цыгане как общность. Общество воспринимается в лучшем случае лишь как общественный контекст, в котором они живут (пренебрегая тем, что цыгане одновременно продолжают оставаться интегральной частью этого самого общества). Другую крайность представляет множество современных социологических исследований цыган Восточной Европы, в которых на передний план выдвигаются социальные параметры цыган как единого целого и игнорируется внутренняя гетерогенность общности, её этносоциальная структура и этнокультурные характеристики [UNDP 2003; Ringold et al. 2004].

Этот подход можно обнаружить и в некоторых современных антропологических исследованиях цыган в Восточной Европе [Stewart 1997; Engebristen 2007], в которых исследователи ограничивают свой объект одной “анонимизированной” локальной цыганской общностью. Это один из базисных постулатов современной антропологии, согласно которому антропологическое полевое исследование следует осуществлять в основном, если и не единственно, в рамках одной конкретной общности, местонахождение и название которой полагается скрывать под псевдонимом.

Ограниченность и неэффективность этого методологического подхода не подлежит сомнению, что однако не мешает его последователям говорить о цыганах как об едином целом, и на основе одного локального примера (или даже одного разговора) делать выводы о всей цыганской общности в ее глобальных параметрах вне общностных, общественных и даже географических и хронологических рамок конкретного исследования.

Непонимание сущности разграничения “общность – общество” приводит к тому, что обычно цыган вписывают в рамки одной из двух основных парадигм, которые в целом могут быть охарактеризованы как их **маргинализация** (цыгане воспринимаются как маргинальный общественный слой) и их **экзотизация** (цыгане воспринимаются как исключительно специфическая общность). [Marushiakova/Popov 2005] В сущности, хотя это звучит парадоксально, нередко эти, на первый взгляд в корне различные основные подходы к цыганам, на практике могут смешиваться и взаимно

дополняться, особенно когда вопрос стоит о конкретной политике и проектах на различных уровнях (или даже и в научной сфере – например в теории о цыганах / рома как о представителях “культуры бедности”. [Emigh/Szelenyi 2000; Szelenyi 2001].

Существуют опыты элиминации разграничения “общность – общество” у цыган путём объединения двух их форм существования в общую теоретическую концепцию. Так, например, по мнению Джудит Окли и ее последователей в Западной Европе, сформировавших уже целую научную школу цыгане являются не потомками эмигрантов из Индии, а социальной конструкцией, которая возникла в слоях маргинализованного европейского населения, воспринявшего бродяжнический образ жизни в период позднего Средневековья, отвергнувшего индустриальную революцию, и постепенно приобрела некоторые характеристики этнической общности (напр. их язык сформировался как результат заимствований из различных европейских языков и главное на основе контактов с индийскими торговцами. [Okely 1983; Lucassen et al. 1998; Willems 1998]). Сторонники этой школы – главным образом выходцы из Западной Европы, хотя недавно в Интернете появился текст словенского автора, где индийское происхождение ромов отрицается на основе того, что оно не нашло подтверждения в “полевых материалах” автора (что бы это не означало). [Spreizer 2007].

У других западных авторов, также как и в современной социологической школе в Сербии, наблюдается обратный подход – цыгане в условиях современного общества постепенно превращаются из первоначально этнической общности в маргинальный “этно-класс”. [Mihok 1996; Mihok 1999; Mitrović/Zajić 1998; Đorđević 2003; Boscoboinik/Giordano 2005]. Еще одной тенденцией в историографии, напр., у Майкла Стюарта или в упомянутом выше исследовании бедности [Stewart 1997; Emigh/Szelenyi 2000; Szelenyi 2001], проявляются концептуальные подходы, специфически и довольно противоречиво переплетенные, оставляющие свободу для интерпретаций в обоих направлениях, но в любом случае цыгане рассматриваются как единое целое, существующее только в одном измерении (в параметрах общности или общества, в зависимости от конкретного рассматриваемого примера или конкретной проблемы).

Одним из ключевых, на протяжении всей истории научных исследований о цыганах, является вопрос о внутренней структуре цыганской общности. Многие авторы считают довольно спорным, можно ли вообще говорить о цыганах как об единой общности в глобальном масштабе, или скорее речь должна идти о различных цыганских общностях, чьим материнским

языком являются не только различные диалекты *Романес*, но также и армянский, арабский, турецкий, албанский, румынский, венгерский, украинский, испанский и т. д. Нередко (не только в Восточной Европе, но и в других регионах мира), встречаются общности, которые окружающее население считает цыганами, но они сами имеют различную, преференцированную (публично декларируемую или реально ощущаемую или даже активно конструируемую нами дни) другую, не-цыганскую идентичность. [Marushiakova 2001]. В ряде случаев может отсутствовать не только самосознание об единстве цыганской / ромской общности (хотя оно, возможно, существует на различных более низких уровнях), но иногда даже и вообще знание о наличии других ее подразделений. [Марушиакова/ Попов 2007: 406-407].

Для нас не подлежит сомнению тот факт, что цыгане не являются гомогенной социокультурной целостностью, а представляют собой внутренне дифференцированную, иерархически структурированную на различных таксономических уровнях общность. Обобщенно можно сказать, что цыгане являются специфической разновидностью общности, так называемым “межгрупповым этническим образованием” (МЕГРЕО). [Marushiakova/ Popov 1997: 47-48]. Она подразделяется на ряд отдельных, более или менее ограниченных, а иногда даже и противостоящих друг другу групп (в терминологии некоторых авторов “этно-групп” [Деметер/ Бессонов/ Кутенков 2000]), каждая из которых имеет собственные этносоциальные и этнокультурные характеристики. [Marushiakova/ Popov 1997: 56-58] На основе этих базисных характеристик (сохраненных или отсутствующих у отдельных цыганских групп), в процессе сопоставления и противопоставления по отношению к “другим” (и прежде всего по отношению к “другим” цыганам) создается групповая идентичность, которая является основным безусловным сущностным признаком существования данной группы (цыганская группа не может существовать без осознания факта своего существования, в отличие от напр. диалектных групп цыган). [Marushiakova/ Popov 2001c]. Исходя из “цыганской группы” как базисной единицы, можно раскрыть различные иерархические уровни существования цыганской общности с соответствующими формами идентичности – “группа”, “субгрупповые подразделения” и “метагрупповые объединения” – и, в зависимости от различных факторов, каждый из этих уровней может быть преобладающим, определяющим в общей структуре их многомерной идентичности.

С точки зрения цыганской общности, Восточная Европа – это исторический регион, в котором проживает большая часть цыганского сообщества – подразделение *рома* (другие *рома*, проживающие в различных регионах

мира – современные мигранты или потомки мигрантов, покинувших этот регион максимум полтора столетия назад). Единственным исключением являются ромские общности, проживающие в Италии еще со времен Средневековья (*рома абруцезе, рома калабрезе* и др.) и небольшая группа *заргари*, проживающая в Северном Иране (эмигрировавшая с Балкан два-три века назад). [Марушиакова/ Попов 2007: 406 – 411]. Проживающих в этом регионе *синти* очень мало, только отдельные семейства в некоторых странах (Российская Федерация, Польша, Венгрия, Чехия, Словакия, Словения), большинство из которых уже смешиваются с *рома*.

Территория современной Турции (а именно – регион Малой Азии) является уникальным местом, где в прошлом разделились три основных потока миграции цыган на их долгом пути из Индии в Европу и где в настоящее время проживают представители трех основных подразделений (разделение *дом – лом – ром*) цыган (турецк. *чингенелер*) [Марушиакова/ Попов 2007: 397-401].

Процессы формирования и развития идентичности отдельных цыганских групп не протекают герметично в рамках общности, а пребывают в неразрывной связи с процессами, происходящими в обществах, в которых они проживают. Мозаика цыганских идентичностей (на групповом, субгрупповом или метагрупповом уровне) обусловлена общими границами соответствующих общественно-политических образований, в которых проживают цыгане (т. е. в отдельных странах в Восточной Европе). Многочисленные воздействия различного порядка (экономические, политические, идеологические и т. д.), со стороны макрообщества, в котором они живут (или проживали), в конечном итоге накладывают свой существенный отпечаток на цыган (развитие как общности и на общую структуру их идентичностей). Это развитие общности и, соответственно, идентичностей проходит неравномерно, в различных направлениях, иногда даже противоречиво, когда можно проследить несколько взаимосвязанных и взаимовлияющих основных тенденций, которые мы далее схематично представим.

Основные направления в развитии цыган /рома

1) Внутреннее развитие общности

Эта тенденция в развитии общности изначально заложена в ней. Цыганская общность, подобно любой другой общности, не является статичным образованием – ни как этносоциальная структура, ни по своим этнокультурным характеристикам. Её внутренняя эволюция ведёт к постоянным изменениям в целостной структуре. Цыганские группы не являются не-

изменным во времени социо-культурным образованием, в них, под влиянием различных факторов, постоянно протекают процессы в различных направлениях, разной скорости и интенсивности, которые можно свести к двум основным противоположным и взаимосвязанным тенденциям – *сегментации* и *консолидации*. С одной стороны, происходит процесс сегментации групп на отдельные субгрупповые подразделения, формирующиеся по семейно-родовым или территориальным признакам, с другой стороны отдельные обособленные таким способом субгрупповые подразделения постепенно консолидируются в одну новую группу; в обоих случаях, новосформировавшиеся общности постепенно приобретают параметры новой, обособленной цыганской группы. [Marushiakova / Popov 2004a]. Основная таксономическая единица (включительно и как ведущий уровень идентичности) это цыганская группа и соответственное её субгрупповое подразделения и метагрупповые объединения, которые в определенных случаях могут занимать ведущий уровень [Marushiakova / Popov 1997: 56-58].

В наше время мозаика различных цыганских общностей в странах Восточной Европы является исключительно разнообразной [Marushiakova/ Popov 2001b: 33-53; Tcherenkov / Laederich 2004, 1: 235-554]. Историческое развитие (в одном или другом направлении, с доминированием сегментации или консолидации, а также с их постоянным взаимным переплетением) в этих общностях также наглядно показывает как протекают аналогичные процессы в цыганском сообществе в целом. Эти процессы, вероятно, характеризовали цыганское сообщество со времен его прибытия в Европу и вплоть до наших дней. Поэтому с большой долей уверенности можно утверждать, что после нескольких поколений общая картина цыган в Восточной Европе будет далеко не такой, какой она является в наши дни. Однако важнее другое – то, что развитие цыганской общности в современную эпоху после распада старых империй и возникновения новых государств в Восточной Европе в XIX и XX вв., оказалось в большой степени закрытым в их границах, что привело к возникновению нового уровня цыганской идентичности (цыганская общность в рамках соответственной этно-нации). Этот феномен проявился в существовавших в XX в. государственных образованиях федерального (или точнее квази-федерального) типа в Восточной Европе (СССР, СФР Югославия, Чехословакия), в которых идентичность отдельных цыганских групп (как и цыганской совокупности в целом в отдельных странах) формировалась в рамках общей, наднациональной схемы.

Этот уровень идентичности на сегодня демонстрирует исключительную устойчивость, и в настоящее время большинство цыганских групп (и

соответственно их субгрупповые подразделения или метагрупповые объединения) в Восточной Европе оказались разделенными рамками отдельных государств [Marushiakova / Popov 2001b: 33-53].

Исторические примеры показывают, что при изменении государственных границ части одной и той же группы оказываются разделенными в двух разных государствах, даже когда нет серьезных преград для трансграничного общения между её членами, достаточно одного поколения для того, чтобы единство группы исчезло и сформировались две новые группы (в соответственных странах). Воспоминание о бывшем родстве в этих группах исчезает окончательно после двух-трех поколений, а если же сохраняется, то только на абстрактном уровне (не зная конкретных родственников), или в сфере фольклора (полумифические устные истории); даже в случаях сохранения памяти о родстве (в том числе на уровне родственных связей), обособление двух различных групп уже необратимо. [Marushiakova / Popov 2002; Marushiakova / Popov 2004a].

Этот принцип ограничения цыганской идентичности в рамках существующих государств проявляется даже и у цыганского сообщества, представители которого живут во многих странах мира (*келдерари, ловари, чурари* и другие родственные им группы [Erdös 1958; Horváthová 1964; Sutherland 1975; Kovalcsik 1985; Cherenkov 1985; Ficowski 1985; Kiályi 1992; Rimmel 1993; Hancock 1995; Bari 1999; Деметер / Бессонов / Кутенков 2000; Holub 2000; Marushiakova / Popov 2004a]). В Восточной Европе представители цыганских групп из этого сообщества осознают свое родство и в некоторой степени единство, но эти цыганские группы остаются ограниченными рамками государств, в которых проживают (включая эндогамный аспект – трансграничные браки у них являются скорее исключением). В отличие от них, для представителей того же сообщества, проживающих в различных странах в Западной Европе, Северной и Латинской Америке, (как более старые и так же и более новые мигранты), принадлежность к соответственным нациям не имеет никакого (или почти никакого) значения и они легко и часто меняют государства, в которых проживают (и, соответственно, трансграничные браки в их сообществе являются обычным явлением).

2) Развитие общности как части соответственной нации

Это сравнительно новый процесс, связанный с современной эпохой. Первые проявления стремлений цыган к гражданской эмансипации датируют второй половиной XIX века на Балканах, в условиях Османской империи. Эти процессы стали активно развиваться лишь с начала XX в. В

условиях новых этнонациональных государств, возникших в Юго-Восточной Европе, цыгане стремились включиться как равноправные граждане в новые общественные реальности (напр. публичная компания в начале XX в. в Болгарии для получения полного избирательного права для всех цыган). В сущности это и было основной стратегической целью всех цыганских организаций созданных в этот период (20–30 гг. XX в.) в Болгарии, Сербии, Румынии, Греции [Marushiakova / Popov 2004b: 435-436; Marushiakova / Popov 2007b: 129-134; Марушиакова / Попов 2007: 119-121]. Эти цыганские общественные организации боролись за гражданскую эмансипацию цыган и в то же время уделяли внимание сохранению и развитию этнокультурных традиций сообщества. Развитие цыганского движения недвусмысленно показывает, что их стремление направлено не к обезличению цыган как этнической общности, а к тому чтобы они стали равноправной частью соответственной этно-нации (т.е. два уровня идентичности, на уровне общности и на уровне общества, не противоречат, а напротив, взаимно дополняют и обогащают друг друга).

Особенно сильное воздействие на процессы общественной интеграции и соответственно на общую структуру идентичности цыган в Восточной Европе оказала т. наз. “эпоха социализма”. Для большинства стран этого региона это период с конца Второй мировой войны до конца “холодной войны” и распада т. наз. “социалистической системы” в 1989 г. Не будет утрированным сказать, что этот период является ключевым фактором для развития цыганского сообщества в Восточной Европе.

Когда речь идет о государственной политике по отношению к цыганам в Восточной Европе во время т. наз. “эпохи социализма”, оценки и до наших дней остаются преимущественно в духе “холодной войны”. Эта политика, как в целом, так и в конкретных проявлениях, характеризуется однозначно как одно из многочисленных преступлений тоталитарных режимов. Достаточно сложно с современной позиции, абстрагируясь от идеологических штампов, искать более объективный и многосторонний анализ этой государственной политики во всём её разнообразии. Основная трудность заключается в том, чтобы найти точное разграничение и определение соотношения между двумя взаимосвязанными и часто переходящими из одного в другой процессами – общественной интеграции и ассимиляции. В ходе исторического развития многие народы, проживающие в чужом окружении, проходят путь от их общественной интеграции вплоть до частичной или полной ассимиляции (как естественный процесс или как результат определенной государственной политики в этом направлении). Следуя логике

данной модели (не являющейся всеобщей или обязательной) применительно к цыганам, любую государственную политику в тот период (как, впрочем, и в наши дни) в Восточной Европе по отношению к цыганам можно заклеить как шаг на пути к их ассимиляции.

Для получения объективного анализа государственной политики по отношению к цыганам во время т. наз. “эпохи социализма” необходимо подойти к фактам конкретно и с учётом специфики ситуации в каждой отдельной стране. Следует иметь в виду множество обстоятельств, в том числе место цыган в общем контексте государственной национальной политики в этих странах. Последнее уточнение необходимо так как в сущности цыгане никогда не были основной, а всегда были второстепенной (или еще более низкой степени) целью этой национальной политики в отдельных странах Восточной Европы. Отношение к ним зависело от общих стратегических целей государственной национальной политики, ориентированной сообразно ситуации в данной стране. Как правило, государственная политика, стимулирующая развитие цыган как специфической общности в различных странах Восточной Европы, в большинстве случаев, оказывалась очень ограниченной во времени и противоречивой на практике, уступая место утверждённым национальным моделям отношения к ним (обоснованным и представленным новой идеологической фразеологией). Несмотря на это, проведение анфирмативной¹ по отношению к цыганам политики, в первую очередь, в сочетании с общим общественно-политическим контекстом, в этих странах были созданы условия и гарантирован ряд возможностей для относительно равноправного участия цыган в общественной жизни и развития их гражданского сознания [Marushiakova / Popov 2007b: 141-152; Марушиакова / Попов 2007: 95-110].

Окончательные последствия этих процессов для цыган в Восточной Европе во время рассматриваемого периода ясно видны особенно в сравнении с судьбой их собратьев, проживающих в других странах мира, а именно – степени их общественной интеграции, которая в Восточной Европе определена выше, чем на Западе (а не наоборот, как утверждалось до

¹ *Анфирмативная политика* – это поощрительная политика (т. е. меньшинства поощряются). Это слово ввели, чтобы не использовать слово привилегия. Считается, что у членов этнических меньшинств много проблем, которые можно решить только путем анфирмативной политики, т. е. путем предоставления определенных поощрений, льгот и т.д., для того, чтобы их положение сравнилось с положением окружающего населения. В украинской науке чаще используется термин “позитивная дискриминация” (*ред.*).

недавнего времени во множестве правозащитных докладов, изданных на протяжении последних 10–15 лет, и, к сожалению, в многочисленных научных публикациях, которые воспринимают этот тип изданий как серьёзный источник по истории и современному положению цыган в странах Восточной Европы).

Поэтому не следует особенно удивляться тому обстоятельству что сознание принадлежности к соответственной нации / государству цыган в Восточной Европе (при этом не только в странах бывшей “социалистической системы”, а также в Греции и Турции) соответственно более сильно (в сравнении с цыганами, проживающими в Западной Европе или в других странах мира) и занимает важное место в общей структуре их идентичности. Совсем не случайным является тот факт, что цыгане из бывшей Югославии часто определяют себя “последними югославами”, что отражает определенное направление в развитии их идентичности.

Также следует особо подчеркнуть – в этих случаях речь идет о гражданском типе идентичности (т.е. сознание принадлежности к гражданскому типу нации), и о наличии различных уровней этнической идентичности. Цыгане Восточной Европы на уровне общности и на уровне общества осознаются “цыганами” (в первом случае как этническая общность, во втором случае как этническое меньшинство в составе соответственной этнонации). Между этими двумя уровнями идентичности для них нет никаких существенных противоречий.

3) Развитие преферированной этнической идентичности² /или конструкция новой идентичности

Процессы развития идентичности в этом направлении встречаются среди многих частей цыганской общности в Восточной Европе, которые обладают другой, не-цыганской, идентичностью (или хотя бы публично хотя и ее демонстрировать). Эти процессы не следует смешивать с описанными выше вариантами развития цыган как составной части данной нации, хотя формально результаты часто очень похожи (по крайней мере на первый взгляд). В большинстве случаев эти процессы не имеют окончательных результатов они очень разнообразны как по направлению развития, так и по содержанию, а потому не могут быть подведены под общий знаменатель.

² *Преферированная этническая идентичность* – предпочитаемая идентичность, т. е., члены сообщества преферируют (т.е. предпочитают) другую, не свою этническую принадлежность.

Рассматриваемые процессы развития идентичности у цыган имеют свои давние исторические корни и современное проявление. Если сравнить ситуацию в Османской империи и Австро-Венгерской империи (т. е. Юго-Восточная и Центральная Европа), то видно, что различные условия и тип государственной политики по отношению к цыганам (или отсутствию таковой) могут привести к похожим результатам. Общая общественная позиция и де-факто отсутствие целенаправленной государственной политики по отношению к цыганам в условиях Османской империи дало возможность большей части их общности пойти по пути добровольной ассимиляции в господствующее мусульманско/ турецкое этнорелигиозное сообщество, что в итоге повлияло на изменение идентичности значительной части цыган. [Marushiakova / Popov 2001a: 46-47]. Стремление к приобщению к турецким меньшинствам не только не перервалось, но даже расширилось и доразвилось среди большинства цыган-мусульман (как следствие смещения религиозного с этническим и подменой первого вторым) в условиях новых этнонациональных государств на Балканах в XX в.

В Австро-Венгерской империи, напротив, в конце XVIII и начале XIX ст. государство предприняло ряд мер, направленных на форсированную насильственную общественную интеграцию, с целью полного уничтожения цыган как отдельной общности и их ассимиляции среди окружающего населения (чаще всего в качестве “новых венгров”, т. е. через их приобщение к зарождавшейся в то время венгерской этно-нации) [Horváthová 1964: 96-153]. Окончательные результаты этой политики ясно видны в наши дни во многих районах Венгрии, Словакии, в Украине (Закарпатье), Румынии (Трансильвании) и в других регионах бывшей Австро-Венгерской империи. Большинство цыган этих регионов – с предпочитаемой венгерской идентичностью, частично или полностью утратили свою этнокультуру в результате не смогли адаптироваться в новых социо-культурных реальностях и попали в состояние социальной деградации, частичной (или даже полной) маргинализации.

Другой путь развития процессов преферированной этнической идентичности у цыган появляется в условиях новых этнонациональных государств в Восточной Европе, возникших в XIX–XX вв. В этих условиях, новых для цыган, не только зарождается сознание принадлежности к соответствующей этно-нации, но у многих эта идентичность постепенно накладывается на старую цыганскую этническую идентичность и в некоторых случаях замещает её окончательно. Причины развития этих процессов разнообразны, но их окончательный результат один и тот же – смешение

двух уровней этнической идентичности и замена этнической идентичности общности этнонациональной. Эти процессы зародились достаточно давно (ещё до создания соответствующих этно-национальных государств), и протекают неравномерно в различных государствах Восточной Европы. В сравнительном аспекте самые большие части цыган охваченные этими процессами находятся в Юго-Восточной Европе (Румынии, Турции, Греции), сравнительно меньше – в государствах постсоветского пространства.

Специфическим случаем являются румыноязычные цыганские сообщества, имеющие самоназвания – *рудари / лудари* в Болгарии, в Румынии (Влахия) и Восточной Сербии, *бъеши / беаши / бояши* в Румынии (Трансильвании), в Венгрии, Словакии и Хорватии, *каравласи* в Боснии и в Восточной Сербии, *баньяши* в Сербии (Воеводине), *лингурари* в Румынии (Молдове) и в Республике Молдове (в Болгарии *лингурарите* являются подразделением *рудари / лудари*) [Chelcea 1944; Calota 1995; Marushiakova / Popov 1997; Marushiakova / Popov 2001b; Сикимийћ 2005]. Представители этого сообщества расселились по всей Восточной Европе (и в других странах мира – Испании, Латинской Америки, США) из Румынии во второй половине XIX и первой половине XX ст., имея различные идентичности. Чаще всего они идентифицируют себя как “влахи / румыны / молдованы”, но вместе с тем не редко и как “цыгане” (в Венгрии), а в последние годы даже и как “рома” (Хорватия, и местами в Сербии), а в Венгрии и Болгарии уже можно наблюдать начало процесса конструирования отдельной не-цыганской идентичности (*беаши, рудари*) [Kovalcsik 1996; Marushiakova / Popov 2000; Marushiakova 2001].

Поиск и опыты конструирования новой, не-цыганской идентичности наблюдаются и среди других цыганских общностей на Балканах, напр. у турецко-язычной общности т. наз. *миллиет* (в смысле “народ”, как этнически нейтральная категория) или у албаноязычных *ашкали* в Косово. Дальше всех зашли процессы в этом направлении среди т. наз. “Балканских Египтян” в Македонии, Албании, Косове и Сербии, которые считаются окружающим населением “цыганами” (“*гюпти / гюпци*” в Македонии, “*йевз*” в Албании и т. д.) уже не только активно конструируют “собственную” историю, но даже получили официальное признание международных сил как отдельная общность в Косове (как совокупность RAE – *роми, ашкали, египтяни*). [Marushiakova / Popov 2000; Marushiakova 2001].

Все эти случаи преферированной (и даже конструирования новой) этнической идентичности, являются одной из основных причин, по которой

никто не в состоянии подсчитать сколько точно цыган проживает в Восточной Европе. Отметим, что еще труднее сказать, сколько цыган проживает в Западной Европе, где в большинстве стран запрещено собирать какие-либо статистические данные о населении по этническому признаку. Во всяком случае до сих пор результаты многочисленных регулярно проводимых переписей населения в странах Восточной Европы, включающих дифференциацию по этническому признаку (в основе декларации самого населения), никогда адекватно не отражали численность тех, кого соответствующее общество считает “цыганами” и несоответствие в цифрах может быть очень значительным.

4). Развитие в русле глобального Ромского национализма

Это сравнительно самая новая тенденция в развитии цыганской общности и её идентичности, зародившаяся во второй половине XX века. На Первом мировом ромском конгрессе, состоявшемся в 1971 г. в Лондоне, были заложены основы Международного Ромского Союза (International Romani Union – IRU). От этого конгресса ведет начало тенденция называть все цыганское сообщество названием одного (самого большого) из его подразделений *рома*. Ведущей концепцией того времени был тезис “наше государство – везде в мире, где живут *рома*” (т. е. *рома* считаются частью соответствующих наций), но вместе с тем конгресс утвердил знамя и гимн (типичные атрибуты нации). *Романа* конгрессе были определены как трансграничное сообщество, вопрос об их специальном статусе в международном плане не поднимался, но в 1979 г. IRU получил консультативный статус (II категории) как неправительственная организация в ООН (что интерпретируется как шаг к признанию ромской нации) [Kenrick 1971: 107-108; Marushiakova / Popov 2004b: 439-440; Марушиакова/Попов 2007: 149-178].

Эта идеологическая концепция о характере цыганской / ромской общности являлась ведущей на следующих конгрессах IRU – в Женеве (1978 г.) и в Гьотингеме (1981 г.). Четвертый конгресс IRU в Варшаве дал начало новому этапу в развитии международного ромского движения. Для него характерно массовое присутствие представителей из стран Восточной Европы, где проживает подавляющее большинство *рома* в мире. При этом, во времена т. наз. “эпохи социализма”, здесь уже сформировались своеобразные новые цыганские / ромские элиты, более или менее отдаленные по ряду характеристик (образование, общественный статус и др.) от своих собратьев в Западной Европе. Вливание этой сильной и свежей струи предопределило расширение направлений и сфер деятельности международного

ромского движения. На Четвертом конгрессе IRU была принята базовая концепция, согласно которой *рома* являются гражданами стран, в которых они проживают, но одновременно тем дискутировался вопрос об их месте в будущей объединенной Европе [Marushiakova / Popov 2004b: 441-442; Марушиакова/Попов 2007: 162-163]. Первая часть этой концепции обусловлена сравнительно высокой степенью общественной интеграции цыган / *рома* в странах Восточной Европы, а вторая является ответом на уже обозримое будущее развитие этих стран и перспективы их присоединения к новым евроатлантическим реальностям.

При поиске места цыган в процессе общеевропейской интеграции появляется и не очень ясная концепция о *рома* как “трансграничном национальном меньшинстве”, она впервые обсуждалась на встрече в Остии (Италии) в 1991 г. (Est e ovest 1992) В тот период появились надежды на то, что международное право, европейские нормы и институты смогут поднять общественной статус цыган и разрешить их многочисленные проблемы, которые появились в странах Восточной Европы или резко обострились как следствие трудностей переходного периода. Присоединение к Рамочной концепции о национальных меньшинствах, вследствие которого большинство восточноевропейских *рома* получили статус национального меньшинства (в отличие от их собратьев в большинстве стран Западной Европы), привело к разочарованию в странах Восточной Европы, так как оно не дало ожидаемых результатов. Это обусловило следующий виток в поиске новых идей развития ромского сообщества. В таких условиях закономерным стало появление и развитие концепции о *рома* как о “нации без государства”. [Pietrosanti 1997].

Концепция о *рома* как о нации без государства стала основополагающей для IRU после Пятого конгресса, проведенного в июле 2000 г в Праге, этой концепции подчинена вся последующая деятельность союза.

В частности, союз стал публично декларироваться как руководящее тело, представляющее перед международными институтами ромскую нацию, снабженный всеми атрибутами нации-государства, парламентом (законодательной властью), комиссариатом (исполнительной властью) и Верховным судом (судебной властью). Новое руководство организации сосредоточилось на цели официализировать эту позицию IRU перед международными институтами, тем самым получить равное государства место в мировых организациях (ООН, ЮНЕСКО) и прежде всего в европейских институтах (Совет Европы, Европейский Союз) [Acton/Klimova 2001: 157-

211]. Постепенно эта тенденция в развитии сообщества *рома* породила стремление создать свою новую “национальную” идеологию (с соответствующей национально-исторической мифологией), с подчеркиванием определенных идей – использование общего названия “Рома” для всех цыганских подразделений; стремление к общеромскому единству и отрицание права существования цыган с преферированной или другой новой, не-ромской идентичностью; новый характер дихотомии “*рома – гадже*” (не-цыгане) с выдвиганием на передний план противопоставления между этими двумя сторонами; новая интерпретация цыганской истории с центральным местом в ней Холокоста и характеристика *рома* как “вечных жертв” окружающего общества (возникновение концепции антицыганизма созданной по подобию антисемитизма); стремление к стандартизации языка (*Романес*), и т. д. [Marushiakova / Popov 2004b; Marushiakova / Popov 2007a].

Основными носителями идеи о “ромской нации” является созданный в последние годы тонкий слой так наз. “*рома по профессии*” или “международные *рома*”, немало из которых начали приоткрывать свои подзабытые цыганские корни (которые могут быть и мнимыми), находя жизненную реализацию именно в посредничестве между своей общностью и различными общественными структурами.

В сущности международное ромское движение всегда, еще с момента своего создания, было зависимым от различных “внешних” (для цыганской общности) факторов различного порядка, которые финансируют это движение (впрочем даже и концепция *рома* как “нации без государства” была создана не-цыганом). Для различных периодов такими факторы были: граждански ангажированные³ ученые, любители и публичные личности; некоторые новые евангельские церкви, работающие среди цыган (и в первую очередь Пятидесятная и Баптистская церковь); неправительственные, прежде всего (но не только) правозащитные организации; некоторые государства, ведущие политику, выходящую за рамки собственной страны (напр., СФР Югославия – в прошлом, в современности – Чехия и Финляндия);

³ *Граждански ангажированные ученые* – этим термином обозначаются ученые с высокой гражданской позицией и высоким гражданским сознанием, которые сотрудничают с неправительственными организациями, защищают права меньшинств. Их работа не всегда считается научной, а прежде всего ориентирована на пользу для меньшинств. Граждански ангажированные ученые могут быть и в других сферах, например, в антивоенных акциях, при борьбе с мировым голодом могут ангажироваться в защиту экологии и т. д.

некоторые международные институции (напр. Совет Европы) [Marushiakova / Popov 2004 b: 441-454; Марушиакова / Попов 2007: 168-174]. Все это объясняет почему концепции о “ромской нации” сравнительно мало популярны среди цыганского сообщества, а концепция глобальной ромской идентичности, которая должна перекрыть все уровни идентичностей у различных подразделений цыган в различных странах, остается утопией.

Цыганские / ромские идентичности в новых европейских реальностях

С наступлением XXI в. начинает ощущаться ряд существенных перемен, связанных прежде всего с финализированием процессов евроинтеграции в большинстве стран в Восточной Европе. В 2004 г. Венгрия, Словакия, Чехия, Польша, Литва, Латвия и Эстония, а в 2007 г. Болгария и Румыния присоединились к Европейскому Союзу. Потоки нелегальной (или полуправильной с тенденцией к легализации) миграции стали неким обыкновенным явлением не только для новоприсоединенных стран, но в некоторой степени и для региона Восточной Европы в целом. Эти общие процессы охватывают и цыган региона, что отражается на развитии цыганских / ромских идентичностей в общеевропейском измерении. [Marushiakova / Popov 2006]. В новых европейских реалиях развитие цыганского сообщества приобретает более широкие пространственные измерения, которые переходят современные государственные границы. Большие части существующих цыганских групп мигрируют под различным предлогом из Восточной Европы в различные страны Западной Европы, поселяясь там (или с тенденцией поселиться).

На этом этапе связи (включительно и брачные) между членами групп остаются достаточно прочными, но не трудно предвидеть, что развитие процессов сегментации и консолидации групп неминуемо впоследствии отразится на групповых (соответственно субгрупповых и метагрупповых) идентичностях, т. е. в конечном итоге после нескольких десятилетий, налицо будет новая, значительно отличающаяся от сегодняшней, общая картина цыганского присутствия в объединённой Европе.

Что касается развития общности как части соответственной нации, то здесь ожидаются два различных варианта развития процессов – интеграция цыган в эмигрантское сообщество выходцев из родных стран, без прекращения связей со страной их происхождения, или медленный путь интеграции в нацию, среди которой они собираются жить (и в обоих случаях с сохранением цыганской этнической идентичности). Что касается развития

процессов создания новых идентичностей, то на этом этапе они оказываются труднопрогнозируемыми, так как зависят от множества дополнительных факторов.

К сожалению, существует третья опция развития отдельных цыганских общностей в результате миграций в общеевропейском масштабе, которую уже можем наблюдать в современной Италии и частично Франции. В Италии все цыгане (а также те, кто представляются как таковые) – беженцы войн в Югославии (по различным подсчетам около 120 – 150 000 человек) автоматически объявлены “номадами”. По этому критерию они исключены из всех существующих программ интеграции остальных беженцев и эмигрантов и направлены прямо в т. наз. “кампы” (временные лагеря на краю больших городов, построенные для кочующих местных цыган (*рома, синти и каминанти*). Таким образом цыгане бывшей Югославии, прадеды которых (или их преобладающая часть) веками вели оседлый образ жизни со сравнительно высокой степенью интеграции, а некоторые с хорошим образованием и неплохими общественными позициями, были поставлены в непривычные для них условия жизни и новый общественный статус. В результате эти процессы привели к может быть одному из наиболее вопиющих случаев массовой десоциализации (особенно для нового поколения, рожденного и выросшего в кампах и не знающего никаких других социокультурных реальностей) в Европе за последние десятилетия, последствия которых ещё предстоит преодолеть.

Специального внимания заслуживает вопрос о развитии (если таковое вообще есть) глобального Ромского национализма в новых европейских реальностях. На Шестом конгрессе IRU проведенном в Ланчиано (2004 г.) тема *рома* как “нация без государства” вообще не была поставлена. Несмотря на выбранное многочисленное руководство организации, на практике деятельность Союза после конгресса почти приостановлена (кроме участия части руководства в создании новых международных ромских организаций, где Союз играет уже второстепенную роль). В 2004 г. в Страсбурге был создан Европейский форум Рома и Кочующих (European Roma and Travellers Forum) как международная неправительственная организация с представительством в Совете Европы (и на его обеспечении).

В учредительных документах Европейского форума Рома и Кочующих отмечено, что он включает представителей “Roma, Sinti, Kale, Travellers и других родственных групп в Европе”. Вопрос является ли создание Европейского форума Рома и Кочующих развитием в русле концепции о рома

как о “нации без государства” – остается открытым, но включение в само его название сообщества “кочующих”, (которые по происхождению и по идентичности не являются *Ромами* нет никаких признаков, что они желают стать ими) ещё больше ставит этот путь развития под сомнение. С одной стороны некоторые элементы, такие как стремление к представительной легитимизации и официализированию позиций новой организации в европейских структурах, использование общегонимого названия *Рома*, могут интерпретироваться как развитие в этом направлении. В официальных документах Европейского форума *Ромы* и Кочующих однако нигде не упоминается термин “ромская нация”, а *рома* в этих документах определены, как “различные группы, имеющие одинаковый опыт дискриминации” (different groups, similar experiences of discrimination) (MG-S-ROM 2002) Едва ли это может быть критерием для конструирования нации, ибо в таком случае как нация могут быть определены достаточно много других общественных образований (и не только те, которые возникли на этнической основе).

Надежды некоторых активистов, что конструирование Европейского форума Рома и Кочующих при Парламентарной Ассамблее Совета Европы, где представлены отдельные страны-нации – это путь к признанию *рома* как нации без государства в рамках европейских структур, едва ли могут быть рассмотрены как реалистичные, потому что подобный статус IRU имеет при ООН ещё с 1979 г., что, однако, не привело к развитию “Ромской нации”. Не следует упускать из виду и то обстоятельство, что концепция о *рома*, как о “нации без государства” определено никаким образом не вписывается в перспективы развития Европейского союза и будущего общеевропейского единства, а само существование Европейского форума Рома и Кочующих, как организации в целом зависит от иждивения и логистической поддержки европейских структур.

Очерченные основные тенденции в развитии цыганских / ромских идентичностей постоянно пересекаются, переходят из одной в другую взаимно обогащаясь и усложняясь. На процессы развития цыганского сообщества оказывает влияние ряд “внешних” факторов, такие как: конкретная ситуация в отдельных странах Восточной Европы; процессы общеевропейской интеграции и мировой глобализации. Поэтому на этом этапе очень трудно прогнозировать какие конкретные изменения произойдут в ближайшем или в далеком будущем и соответственно, каким будет дальнейшее развитие цыганских / ромских идентичностей.

Источники и литература:

- Деметер, Н., Бессонов Н., Кутенков В. 2000. История цыган. Новый взгляд. – Воронеж: Институт этнологии и антропологии РАН
- Марушиакова, Е., В. Попов. 2007. STUDII ROMANI. Том VII. Избрано. – София: Парадигма.
- Сикмић, Б. (Уред.) 2005. Бањаша на Балкану. Идентитет етничке заједнице. – Београд: Балканолошки институт САНУ.
- Черенков, Л. Н. 1985. “Некоторые проблемы этнографического изучения цыган СССР” – В: Крупник, И. И. (Ред.) // Малые и дисперсные этнические группы в Европейской части СССР. – М.: Наука, 5-15.
- Acton, T., I. Klimova. 2001. The International Romani Union. An East European answer to West European questions? // Between Past and Future. The Roma of Central and Eastern Europe. – Hatfield: University of Hertfordshire Press, 157–226.
- Bari, K. 1999. Gypsy Folklore. Hungary. Romania. CD I-IX. – Budapest: VTCD.
- Boscoboinik, A., C. Giordano. 2005. Roma’s Identity and the Political Arena. // Ethnobarometer. – Working Papers, Ser. 9, 7-18.
- Calota, I. 1995. Rudarii din Oltenia. Studiu de dialectologie și de geografie lingvistica românească. – Craiova: Sibila.
- Chelcea, I. 1944. Rudarii. Contributie la o enigma etnografica. – Bucuresti: Casa Scoalelor, 1944.
- Đorđević, D. 2003. “The Roma of Serbia.” // Đorđević, D. (Ed.) Roma Religious Culture. – Nis: YSSSR & YURoma Center & Punta.
- Engebrigsten, A. J. 2003. Exploring Gypsiness. Power, Exchange and Interdependence in a Transylvanian Village. – New York & Oxford: Berghahn Books.
- Erdős, K. 1958. A classification of Gypsies in Hungary. // Acta Ethnographica. VI, 449-457.
- Ficowski, J. 1985. Cyganie na polskich drogach. – Krakow: Wydawnictwo Literackie.
- Hancock, I. 1995. F. A Handbook of Vlax Romani – Columbus, OH: Slavica.
- Holub, K. (Ed.) 2000. Dural me avilem. – Praha: Ars Bohemica.
- Horváthová, E. 1964. Cigáni na Slovensku. Historicko-etnografický náčrt. Bratislava: SAV, 1964.
- Kenrick, D. S. 1971. The World Romani Congress. // Journal of the Gypsy Lore Society, III Ser., Vol. L, 3: 107-108.
- Kenrick, D. 1998. Gillian Taylor, G. Historical Dictionary of the Gypsies (Romanies). Lanham, MD & London: The Scarecrow Press.
- Királyi, E. 1992. Collection of Gypsy Folk Music from Vojvodine. // Kovalcsik, K. (Ed.) Gypsy Folk Music of Europe. 3. Budapest: Institute for Musicology of the Hungarian Academy for Sciences.

Klimova-Alexander, I. 2005. The Romani Voice in World Politics. The United Nations and Non-State Politics. Hants (UK) & Burlington (USA): Ashgate.

Kovalcsik, K. 1985. Vlax Gypsy Folk Songs in Slovakia. / Kovalcsik, K. (Ed.) Gypsy Folk Music of Europe. 1. – Budapest: Institute for Musicology of the Hungarian Academy for Sciences.

Kovalcsik, K. 1996. “Roma or Boyash Identity?” // The World of Music. 38, 1: 77-93.

Liegeois, J.-P. 1994. Roma, Gypsies, Travellers. – Strasbourg: Council of Europe.

Lucassen, L., W. Willems, A. Cottaar. 1998. Gypsies and Other Itinerant Groups. A Socio-Historical Approach – London & New York: Macmillan & St. Martin’s Press.

Marushiakova, E., V. Popov, V. 1997. Gypsies (Roma) in Bulgaria. – Frankfurt am Main: Peter Lang.

Marushiakova, E., V. Popov. 2000. Myth as Process. / Acton, T. (Ed.) Scholarship and the Gypsy Struggle. Commitment in Romani Studies. A Collection of Papers and Poems to celebrate Donald Kenrick’s Seventieth Years – Hatfield: University of Hertfordshire Press.

Marushiakova, E., V. Popov. 2001a. Gypsies in the Ottoman Empire. – Hatfield: University of Hertfordshire Press.

Marushiakova, E., V. Popov. 2001b. Historical and Ethnographic Background. Gypsies, Roma, Sinti. / Guy, W. (Ed.) Between Past and Future: the Roma of Central and Eastern Europe. – Hatfield: University of Hertfordshire Press.

Marushiakova, E., V. Popov. 2001c. “Zigeuner – Auf beiden Seiten der Grenze.” / Materialien des SFB “Differenz und Integration”. Berichte aus den Arbeitsgruppen: Grenzen und Übergänge. Eine Unterreihe der Orientwissenschaftliches Zentrum. – Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, 1: 33-44.

Marushiakova, E., V. Popov. 2002. Dialect, Language and Identity of the Gypsies. (In Case of Bulgaria). / Stolz, T., Iglá, B. (Hrsg.) Was ich noch sagen wollte... A multilingual Festschrift for Norbert Boretzky on occasion of his 65th birthday. – Berlin: Academie, 423-430.

Marushiakova, E., V. Popov. 2003. Ethnic Identities and Economic Strategies of the Gypsies in the Countries of the Former USSR. / Herzog, T., Holzwarth, W. (Hrsg.) Nomaden und Sesshafte – Fragen, Methoden, Ergebnisse, Mitteilungen des Sonderforschungsbereichs “Differenz und Integration”, 4, 2003.

Marushiakova, E., V. Popov. 2004a. Segmentation vs Consolidation: The example of four Gypsy Groups in CIS. // Romani Studies. Ser. 5, Vol. 14, 2: 145-191.

Marushiakova, E., V. Popov. 2004b. The Roma – a Nation without a State? Historical Background and Contemporary Tendencies. / Burszta, W., Kamusella, T., Wojciechowski, S. (Eds.) Nationalism Across the Globe: An overview of the nationalism of state endowed and stateless nations. – Poznan: School of Humanities and Journalism, 2005, 433-455.

Marushiakova, E., V. Popov. 2005. The Roma between the Skylla of Marginalization and the Charybdis of Exotization.” / Social and Cultural Diversity in Central and Eastern Europe: Old Factors and New. – Prague: Multicultural Centre, 6-9.

Marushiakova, E., V. Popov. 2006. De l’Est à l’Ouest. Chronologie et typologie des migrations tsiganes en Europe.” // Etudes Tsiganes, 27-28: 10-26.

Marushiakova, E., V. Popov. 2007a. Holocaust and the Gypsies. The Reconstruction of the Historical Memory and Creation of New National Mythology. / Steinert, J.-D., Weber-Newth, I. (Eds.) Beyond Camps and Forced Labour. Conference Proceedings. Vol. II. Osnabrück: Secolo. [в печати].

Marushiakova, E., V. Popov. 2007b. Zigeunerpolitik und Zigeunerforschung in Bulgarien (1919–1989).” / Zimmermann, M. (Hrsg.). Zwischen Erziehung und Vernichtung. Zigeunerpolitik und Zigeunerforschung im Europa des 20. Jahrhunderts. Beiträge zur Geschichte der Deutschen Forschungsgemeinschaft. Band 3. – Stuttgart: Franz Steiner, 125-156.

Marushiakova, E., V. Popov. 2008. Holocaust and the Gypsies. The Reconstruction of the Historical Memory and Creation of New National Mythology. / Steinert, J.-D., Weber-Newth, I. (Eds.) *Beyond Camps and Forced Labour*. Conference Proceedings. Vol. II. – Osnabrück: Secolo. [в печати]

Marushiakova, E., H. Heuss, I. Boev, J. Rychlik, N. Ragaru, R. Zemon, V. Popov, V. Friedman. 2001. V. Identity Formation among Minorities in the Balkans: The cases of Roms, Egyptians and Ashkali in Kosovo. – Sofia: Minority Studies Society “Studii Romani”.

Marushiakova, E., U. Mischek, V. Popov, B. Streck. 2005. Dienstleistungs-nomadismus am Schwarzen Meer. Zigeunergruppen zwischen Symbiose und Dissidenz. // Orientwissenschaftliche Hefte (Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg), 16.

Mayall, D. 2004. Gypsy Identities 1500-2000. From Egyptians and Moon-men to the Ethnic Romany. – London: Routledge.

MG-S-ROM 2002. The European Roma Forum. Final Report, including the recommendations of the informal Exploratory Group studying the setting-up of a pan-European Roma Advisory Body. - MG-S-ROM (2002) 19, Strasbourg, 8 October 2002.

Mihok, B. 1996. Die Situation der Roma im siebenbürgischen Landkreis Mureş und die Entwicklung von Sensibilisierungsmaßnahmen gegen über der Roma-Minderheit. – Köln: Heinrich-Böll-Stiftung.

Mihok, B. 1999. Vergleichende Studie zur Situation der Minderheiten in Ungarn und Rumänien (1989–1996) unter besonderer Berücksichtigung der Roma. – Frankfurt am Main: Peter Lang.

Mirga, A., N. Gheorghe. 1997. The Roma in the Twenty-First Century. A Policy Paper. – Princeton NJ: PER.

Mitrović, A., G. Zajić. 1998. “Social position of the Roma in Serbia.” / The Roma in Serbia. – Belgrade: Centre for Anti-War Action & Institute for Criminological and Sociological Research.

Okely, J. 1983. The Traveller-Gypsies – Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

Pietrosanti, P. 1997. Project for a non-territorial republic of the Roma nation. Manuscript.

Rommel, F. 1993. Die Roma Rumäniens. Volk ohne Hinterland. Wien: Picus.

Ringold, D., M. Orenstein, E. Wilkens. 2004. Roma in Expanding Europe: Breaking the Poverty Cycle. Washington D.C.: World Bank & London: Eurospan.

Spreizer, A. J. 2007. Etničnost in aktivno državljanstvo: primer Romov v Sloveniji. www.ltw.acs.si/ac/09/cd/full_papers_plenary/Janlo_si.pdf

Sutherland, A. 1975. Gypsies: The Hidden Americans. Prospect Heights, Illinois: Waveland Press, 1975

Tcherenkov, L. N., S. Laederich. 2004. The Roma otherwise known as Gypsies, Gitanos, Гципци, Tsiganes, Tígani, Çingene, Zigeuner, Bohemiens, Travellers, Fahrende, etc. Volume 1: History, Language, and Groups. Volume 2: Traditions and Texts. – Basel: Schwabe Verlag, 2004.

UNDP. 2003. The Roma in Central and Eastern Europe: Avoiding the Dependency Trap. – Bratislava: UNDP.

Willems, W. 1998. In Search of the True Gypsy. From Enlightenment to Final Solution. – London & Portland OR: Frank Cass.

Марушиакова Елена, Попов Веселин. Ідентичності циганів / Рома у новому європейському контексті (ситуація в Східній Європі)

У статті представлені і проаналізовані процеси зміни ідентичності ромів у загальноєвропейському контексті за останні 10-15 років. Після розпаду соціалістичної системи та зникнення “залізної завіси” багато ромів з різних країн Східної Європи мігрували (назовсім або тимчасово) до Західної Європи, внаслідок чого картина ромської присутності в об’єднаній Європі зазнала змін. На сході Європи стали масово створюватися ромські громадські організації і політичні партії. Це стало імпульсом до формування у 1970-і – 80-і роки міжнародних структур ромів, діяльність яких була спрямована на об’єднання ромів у світі в єдину ромську націю. Декілька міжнародних ромських організацій разом відстежують поточні події з ромського життя і займаються пошуком партнерів на вищому рівні

Марушиакова Елена, Попов Веселин. Идентичности циган /ромов в новом европейском контексте (ситуация в Восточной Европе)

В статье представлены и проанализированы процессы изменения идентичности ромов в общеевропейском контексте за последние 10-15 лет. После распада социалистической системы и исчезновения “железного занавеса” многие ромы из разных стран Восточной Европы мигрировали (насовсем или временно) в Западную Европу, из-за чего картина ромского присутствия в объединенной Европе изменилась. На востоке Европы стали массово создаваться ромские общественные

организации и политически партии. Эта тенденция послужила импульсом к формированию в 1970-е–80-е годы международных структур ромов, деятельность которых направлена на объединение всех ромов мира в рамках единой ромской нации. Несколько международных ромских организаций вместе отслеживают текущие события из ромской жизни и занимаются поиском партнеров на высшем уровне

Marushiakova Elena, Popov Veselin. Identities of Gypsies/Romanies in a new European context (situation in the Eastern Europe)

The article describes and analyses processes of Romanies' identity change in all-European context during the last 10-15 years. After the break-down of socialist system and disappearance of the "iron curtain" many Romanies from different countries of Eastern Europe migrated (permanently or temporary) to the countries of Western Europe, thus whole picture of Romani presence in new united Europe has changed. In the East of Europe a boom of development of Roma organizations and political parties is observed. This tendency has served as an impulse to formation in 1970th - 80th years of the international structures of Roma whose activity is directed onto the integration of all Romanies. Several international Romani institutions track current Roma life events and search partners on respective level